

Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«Блеск и нищета» экспериментов русской интеллигенции

«Ленин <...> считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу. <...> Чем рискует Ленин, если опыт не удастся? <...> Он работает как химик в лаборатории, с той разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революции».

Так писал М. Горький в «Несвоевременных мыслях» 10 (23) ноября 1917 года; причем — и до, и после этого — его не покидает мысль, что все происходящее в стране — безжалостный «опыт», проводимый революционерами над народом, над рабочим классом, осуществляемый «на его шкуре, на его крови».

«Жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу...» — кажется, именно эта мысль легла в основу целого ряда произведений Булгакова-прозаика 1920–30-х годов — повестей «Роковые яйца», «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита». Во всех случаях повествование в булгаковских произведениях имеет два плана: реальный и фантастический, конкретно-бытовой и философской, метафорический; эти два плана, как часто бывает в искусстве гротеска, тесно взаимосвязаны и переплетены. Реальная жизнь оказывается фантазмагоричнее любой, самой невероятной фантастики, а фантастика воспринимается как вполне правдоподобное допущение. Высвечивая друг друга, бытовая конкретика повседневности и фантастические события литературного сюжета выявляли пределы возможностей развития определенных социальных тенденций, «проигрывали» гипотетические варианты исторического процесса. Вырываясь из плена узко понятой современности и рамок плоского жизнеподобия, писатель приоткрывал завесу над жгучими тайнами истории, мироздания, общественного устройства, человеческой природы.

<...>

«Жестокий опыт, обреченный на неудачу», показан у Булгакова в «Собачьем сердце».

Реальна, даже натуралистична Москва, переданная через восприятие Шарика — бездомного пса-дворняги, «знающего» жизнь изнутри, в ее неприглядном виде.

Москва времен нэпа: с шикарными ресторанами, где «дежурное блюдо — грибы, соус пикан», и «столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства», где варят щи «из вонючей солонины». Москва, где живут «пролетарии», «товарищи» и «господа». Москва, которую революция в первые годы пощадила — почти ничего не разрушила (но ничего и не создала). Революция лишь исказила облик древней столицы: вывернула наизнанку ее особняки, ее доходные дома (как, например, Калабуховский дом, где живет герой повести). Это персонажами рассказов Зощенко, чистопородными пролетариями с гипертрофированным чувством превосходства над теми, у кого родовая «подкачала», и чрезвычайно низким уровнем культуры, «уплотняли» московские дома, где жили буржуи-интеллигенты.

Один из главных героев повести профессор Преображенский, всемирно известный ученый и врач, принадлежит к таким «уплотняемым» и постепенно вытесняемым из жизни. Его пока не трогают — известность защищает. Но происходящее не вселяет уверенности в завтрашнем дне. Соседей «уплотнили». Да и к самому Преображенскому навевались представители домоуправления, проявляя неустанную заботу о судьбе пролетариата: не слишком ли большая роскошь оперировать в операционной, есть в столовой, спать в спальне; вполне достаточно соединить смотровую и кабинет, столовую и спальню. Пре-

ображенный, оказывается, «ненавистник пролетариата», и у него к тому есть все основания.

С 1903 года Преображенский живет в Калабуховском доме. Вот его наблюдения:

«...до марта 1917 года не было ни одного случая — подчеркиваю красным карандашом ни одного, чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. В марте семнадцатого в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование. <...> ...почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор еще запирать под замок? <...> Почему убрали ковер с парадной лестницы? <...> На какого черта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое <...> тухло в течение двадцати лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц?»

— «Разруха», — отвечает собеседник и помощник Преображенского доктор Борменталь.

«Нет, — совершенно уверенно возразил Филипп Филиппович, — нет. <...>Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует. <...> Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза <...> в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах».

Разруха, разрушить... Идея разрушения старого мира, конечно, родилась в головах, и головах мыслящих, просвещенных, причем задолго до появления председателя домкома Швондера и его команды.

Вспомним роман Тургенева «Отцы и дети». Базаров, которому симпатизировала большая часть молодежи 60-х годов XIX века и еще целое столетие спустя, совсем иначе воспринимается молодыми читателями нашего времени. В демократе Базарове разрушительное начало так сильно, что не оставляет места для созидания нового.

«Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете. Да ведь надобно же и строить», — говорит Николай Петрович Кирсанов.— «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить», — отвечает Базаров.

Можно ли, разрушив все, строить? В принципе, можно. Но все равно, что начать писать историю заново, с чистого листа. Это значит — нарушить историческую преемственность, преемственность социальную, культурную. Это значит, если довести рассуждения Базарова до логического конца, что можно и нужно пренебречь культурными традициями, философскими и научными идеями, нравственными ценностями, которые выработаны всей прошлой жизнью.

Воровать плохо — знает каждый. Но в головах, где все поделено на «мы» и «они», где восторжествовала идея разрушения, революционного преобразования мира, перестают действовать *общечеловеческие* нормы и законы поведения.

Конечно, не нужно думать, что Базаров предлагает воровать галоши. Однако неприятие им культуры стариков Кирсановых сродни тому, что происходит в Калабуховском доме, и порождает в конечном итоге тип социального антагонизма, который характерен для отношений между Преображенским и командой Швондера — продолжателей дела разрушения и «экспроприации экспроприаторов».

Профессор Преображенский — не просто врач, но «маг», «волшебник». Он занимается пересадкой органов, надеясь продлить период жизненной активности человека, «улучшить человеческую породу» (отсюда «говорящая» фамилия героя).

Хирургический метод пересадки органов человека и животного известен с глубокой древности (хотя и сегодня еще не вполне освоен медицинской наукой). В этом смысле опыты профессора — дальнейшая разработка одного из древнейших направлений медицины. Но ведь можно предположить и иной путь человеческого «преображения», иной

способ «выведения» «нового человека». Преображенский воздействует на мозг хирургическим путем, а можно на мозг (и шире — сознание) влиять словом. Оба способа оказываются сопоставимыми по результатам, но в одном случае осуществляется известное физическое насилие, во втором нередко то же насилие — только духовное.

«Дикий» человек Шариков испытывает воздействие слова. Он становится объектом словесных атак Швондера, который защищает интересы Шарикова «как труженика».

— «Почему же вы — труженик?» — изумляется профессор.

— «Да уж известно — не нэпман», — отвечает Шариков.

Труженик, следовательно, только потому, что ничего не имеет, нет собственности — вот логика Швондера. И по этой логике Шариков, вслед за Швондером, может упрекать профессора: «...один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет». Шарикову как будто невдомек, что многокомнатная квартира и прислуга стоят денег, а деньги нужно зарабатывать, что и делает Преображенский, принимая в день несколько десятков человек. Относительная материальная независимость дает профессору возможность экспериментировать, вести научные наблюдения, писать. Шарикова несколько не смущает то, что он живет и кормится за счет Преображенского. Именно вышедший из народа Шариков «примеривается» к квартире профессора. Принцип Шарикова прост: зачем работать, если можно отнять; если у одного много, а у другого ничего, нужно «взять все да и поделить». Вот она, Швондерова обработка шариковского первобытного сознания!

Аналогичная «работа» была проделана в свое время и над Швондером, и над миллионами ему подобных. Как известно, ленинский лозунг «Грабь награбленное!» (под «награбленным» подразумевалось, в том числе, и состояние, нажитое интеллектуальным трудом нескольких поколений интеллигенции) был одним из самых популярных в годы революции. Высокая идея равенства мгновенно выродилась в примитивную уравниловку, при которой все получали одинаково; талант, работоспособность, эффективность работающего в расчет не принимались.

Швондер тоже своего рода Шариков, только «выведенный» другим путем. Фантастическая операция Преображенского, давшая поразительные результаты (пересадка гипофиза в течение недели произвела полное очеловечивание собаки), аналогична тому реальному конкретно-историческому эксперименту, который был, кстати, тоже в очень короткие сроки произведен над миллионами пшондеров. Этим миллионам внушали: чтобы стать «новым человеком», хозяином жизни, не нужно прилагать никаких усилий; любой пролетарий обречен быть таковым просто в силу своего происхождения. Это ни на чем не основанное классовое превосходство и вызывает взрыв возмущения у Преображенского и Борменталья, когда они кричат Шарикову (на его месте вполне мог быть Швондер, внушавший идеи дележа):

«Вы стоите на самой низшей ступени развития <...> и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе <...> подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить...»

С появлением Шарикова в квартире профессора воцаряется разруха:

«Это кошмар, честное слово. <...> Клянусь <...> я измучился за эти две недели больше, чем за последние четырнадцать лет! Вот — тип, я вам доложу...»

Вместо того чтобы оперировать и принимать пациентов, Преображенский вынужден принимать Швондера, выслушивать угрозы в свой адрес, составлять бесчисленные бумаги, чтобы узаконить существование Шарикова.

Вместо того чтобы заниматься домашним хозяйством, Дарья Петровна вынуждена отбивать бесконечных посетителей, которые хотят посмотреть на «говорящую» собачку (слухи об операции распространились по городу): «Народ целые дни ломится, хоть все бросай».

Вместо того чтобы ассистировать профессору и лечить, доктор Борменталь, пытаюсь просветить Шарикова, каждый вечер вынужден отпрапляться с ним в цирк.

Итак, все заняты, но ... *не своим делом*. Вернемся к этой ситуации. Пока же несколько слов в связи с «окультуриванием» Шарикова.

Предложение хоть раз сходить в театр решительно им отклоняется, и вот почему:

«В театр я не пойду... <...> Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контр-революция одна».

(Булгаков явно цитирует своих критиков из РАППа, постоянно искавших контр-революцию в булгаковских пьесах и рассказах)

Как опять не вспомнить Базарова:

«Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь — и уж воображаете себя молодцами, — а мы драться хотим».

Слово и дело. Издавно слово, словесная деятельность (то есть связанная с интеллектуальной работой, нередко не имевшей конкретного, сиюминутного, практического результата) считалась, в частности в России, деятельностью второстепенной, неважной. Настороженное, а чаще прямо враждебное отношение к интеллигенции связано было и с непониманием простой вещи: думать — значит тоже работать, и работать напряженно, творчески, трудно.

Один из героев повести Платонова «Котлован» упрекает другого в бездействии так: «Ты, наверно, интеллигенция — той лишь бы посидеть да подумать». (Ср.: В «Преступлении и наказании» Настасья, кухарка и служанка хозяйки, спрашивает Раскольникова: «...пошто ничего не делаешь?» — «Я делаю», — проговорил Раскольников. «Что делаешь?» — спрашивает Настасья. — «Работу...», — отвечает Раскольников. Следующий вопрос: «Какую работу?» — «Думаю», — серьезно ответил Раскольников. Настасья так и покатила со смеху.) Главное — осязаемое, грубо материальное дело, реальный, практически полезный труд. Происходящее у Булгакова в «Собачем сердце» свидетельствует: именно *дело*, понижаемое таким образом, может принести неисчислимые беды; если все заняты *не своим делом*, никакого смысла и даже практически полезного результата не будет. Бессмертны крыловские слова: «Беда, коль ироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник». Разруха в доме Преображенского тому подтверждение.

Этот вывод чрезвычайно важен для понимания идейного смысла повести. Эксперимент большевиков, задуманный, чтобы создать «нового», улучшенного человека, — *не их дело*, это дело природы. Однако революционеры-большевики только тем и занимаются, что делают не свое дело: руководят тем, в чем ничего не понимают; разрушают то, на месте чего не могут строить; во все вмешиваются, все перекраивают, перестраивают...

Профессор Преображенский, мучительно размышляя над результатами произведенной им операции, пришел к выводу, что Шариков — насилие над природой.

«Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может их родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого! <...> человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. <...> Мое открытие, черти б его съели, <...> стоит ровно один ломаный грош... <...> Теоретически это интересно. <...> Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? — Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков».

И еще один важный вывод: каждый человек — это конкретный индивид, с неповторимым, только ему присущим набором физиологических, психологических, интеллектуальных, нравственных и иных особенностей. Как говорит профессор, «...гипофиз — закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! <...> а не общечело-

веческое». Поэтому из Клима Чугунова, послужившего «материалом» для Шарикова (три судимости, алкоголизм, причина смерти — от удара ножом в сердце в пивной), могло получиться только подобие Клима Чугунова.

В «Несвоевременных мыслях» Горький пророчески написал, что революционный эксперимент большевиков заранее обречен на неудачу. «Звериный русский быт», о котором писал Горький во многих своих, особенно дооктябрьских, произведениях, века рабства изуродовали сознание народа. То, что формировалось столетиями, невозможно изменить в одночасье. Между тем мировая социально-утопическая мысль рассчитывала именно на такое «одночасье». Разделяла эти иллюзии и русская литература XIX века, особенно демократическая. Одна из любимых идей Чернышевского, проповедуемая им в романе «Что делать?», состояла в следующем: стоит изменить социальное устройство общества, условия существования людей — и нравственная природа человека, его характер быстро улучшатся (вспомните постоянное сопоставление «плохой» Марьи Алексеевны и «хороших» Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны, ставших «новыми людьми» в новой социальной среде). Социальный утопизм Чернышевского и всех революционеров, стремившихся «вдруг» изменить мир, а вместе с ним и человеческую природу» встретил серьезные возражения у Достоевского, который скептически относился к рецептам «лекарей-социалистов», пытавшихся по книжкам «вылечить» общество или исправить отдельного человека.

Воспитать чувство уважения к личности, чувство собственного достоинства, осознанное отношение к происходящему, очевидно, возможно только при постепенном, эволюционном развитии общества, при кропотливой просветительской и культурной работе интеллигенции.

Превратить собаку в человека, очеловечить зверя — это та же рискованная и безуспешная операция, какую проделала революция, вырвав человека из полуфеодалного звериного быта, из духовного и политического рабства и объявив его хозяином жизни. Скачок общества из феодализма в социализм тоже против природы, так как нарушает эволюционное, поступательное движение истории. Не случайно слухи об операции Преображенского ассоциируются в сознании обывателя со «светопреставлением, которое навлекли большевики».

Вот почему фантастическая операция профессора оказалась столь же неудачной, как и великий коммунистический эксперимент с историей. «Наука еще не знает способов обращать зверей в людей. Вот я попробовал, да только неудачно, как видите. Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние», — признается Преображенский. Таким же первобытным «новым» человеком представляется миру и пресловутый «homo soveticus» — «выведенная» революцией невиданная прежде порода людей (как писал Маяковский, «с Лениным в башке, с наганом в руке»). Как считал Преображенский, эти люди отстают «в развитии от европейцев лет на 200». Время показало, что ошибался булгаковский герой в общем ненамного...